
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Яков Шафран
(г. Тула)

**ИСТИННОСТЬ, ТАЛАНТ
И САМОБЫТНОСТЬ***
(О книгах двух тульских авторов)

Член Академии российской литературы, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Левша» (2013 г.), Заместитель главного редактора — ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег» журнала «Приокских зорь».

СВЕТ ДУШИ ОЛЕГА ПАНТЮХИНА
Отзыв на книгу «Избранные стихи»**

Когда я впервые открыл книгу Олега Викторовича Пантюхина «Избранные стихи», то испытал ощущение простора и света. И первое, и второе — не столько от оформления (хотя и оно значимо), сколько от буквально излучающих свет строк. Известно, что человек познает мир смыслово-интеллектуальным и интуитивным методами. Однако поэты, благодаря своей тонкой и ранимой душе, проходящие через душевные страдания и муки, в той или иной степени обладают, подобно пророкам, еще и методом откровения свыше. Видимо, синтез всего этого в творчестве автора сборника и послужил основанием для такого восприятия.

Многие пишут стихи для облегчения, изливая накопившиеся в душе чувства, а кто-то и ставя перед собой «великие цели» — не менее как облагодетельствовать человечество. Но первое же стихотворение из сборника О. Пантюхина говорит об особом подходе поэта к творчеству. Он понимает его не просто как «выброс пара» и, уж тем паче, не как создание «шедевров», где и букву поправить — преступление. Поэт относится к стихам, как к ангелам, слетающим с небес, как к средству, исцеляющему душу.

* Самобытность — талант от Бога (Из народной мудрости XX века).

** Пантюхин Олег. Избранные стихи: поэтический сборник / Приложение к журналу «Приокские зори». — Тула: Акварнус, 2015. — 64 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

Стихи, как капельки росы,
Словами питают душу.
Они защитой нашей служат
От равнодушной суеты...

.....
И в мир наш, что не верит в чудо,
Прольется луч из чистых слов...

(«Стихи, как капельки росы...», с. 10)

На какую бы тему ни было стихотворение, автор говорит о Любви. Тема во всех ее аспектах не новая, но, раскрываемая чувствами, пропущенными через осознание пережитого, делает стихи поэта искренними, а его лирический герой предстает перед нами самобытным и не похожим на других. Без Любви, вмещающей в себя все, говорит он, мир — «бездна пустоты», поэтому сердце человеческое находит «волну любви», ибо «оно ведь и не может жить иначе». Душа, открытая небу, а значит, и высокому чувству, находит Любовь и в «песне дождя», и в быстротекущем мгновении, и в окружающей красоте — «аромате цветов», «просторе бескрайних лугов», — и мир снова наполняется содержанием. «Без полета все вокруг — мука...» — пишет Олег Пантюхин.

Тяжелое восприятие жизни происходит порой из-за непонимания человеком связи времен. Ведь как не может быть будущего без настоящего, так и настоящее невозможно без прошлого. Истинный поэт это хорошо понимает. Поэтому один из центральных, ключевых разделов книги О. Пантюхина «Память сердца» посвящен Великой Отечественной войне.

*...Промчалась годов вереница,
И кажется, что никогда
Не будет уж больше им сниться
Проклятая эта война...*

(Военные сны, с. 30)

Сколько лет прошло, а людям, защитившим нас от уничтожения и рабства, на долгие годы положившим конец войнам на нашей и не только земле, не забыть тех тяжелых годин. Ведь это была страшная война: передышек на фронтах практически не было: за все время в общей сложности они составили всего около трех месяцев, а наши общие — военных и гражданского населения — потери в 26,6 миллионов человек почти в два раза превысили суммарные потери Германии и ее сателлитов, взятые вместе с потерями наших союзников.

*...Давайте же будем достойны
И памяти будем верны
Людей, победивших все войны,
Героев российской земли!..*

(Военные сны, с. 30)

Прошлое наше — это не только память о дальних предках («Блажен, кто предков с чистым сердцем чтит», В. Гете), но и о родителях. Уважение к отцу и матери — крепость для человека, защищающая его в будущем от страданий. Любви к матери посвящает свои стихи и Олег Пантюхин:

*...Одно лишь свойство у письма есть —
Лишь мать так может написать,
Оно способно сердце сына
Своей любовью согреть.*

(Письмо матери, с. 31)

Есть такое понятие — близкие. В число их входят и родители, и другие члены семьи, и верные друзья. Близких нужно всегда держать в сердце, помнить и вспоминать, что является процессом постоянной актуализации образов, мыслей и чувств из прошлого опыта.

*...Вспоминайте любимых!
Они рядом всегда —
В ваших мыслях, душе,
В вашем любящем сердце...*

(Вспоминайте любимых, с. 34)

Так укореняется человек. Корни его в родительском воспитании, в малой родине и в детстве. Во многом то, каким вырастет древо-человек, определяется его ранними годами жизни. Настоящий поэт — проводник высших истин, каким, безусловно, является Олег Пантюхин, хорошо понимает это. Отсюда и его отношение к своему детству. Свет души автора идет оттуда.

*Я вчера случайно заглянул
В давний и любимый дворик детства,
Будто ветер памяти подул и
Стало хорошо и радостно на сердце...*

*.....
Знаю, сколько лет бы не прошло,
От былого никуда не деться.
Чтобы стало на душе светло,
Загляните в старый дворик детства!*

(Дворик детства, с. 35)

И чем более прочны основы русского человека, тем более болит у него душа за Россию, за народ, болит, конечно, и от всех «хмуростей» наших дней.

*Русская деревня — боль души России.
Русская деревня, где найти ей силы?
Версты, перелески и дома пустые.
От картины этой снова сердце стынет.
Прадеды и деды жили здесь когда-то,
В босоногом детстве бегали ребята.
А вокруг сегодня, словно в поле зимнем,
Запустеньем веет, мрачно и тоскливо.
Сколько по России деревенок малых,
Никому не нужных, нищих, захудалых.
И проходит время, и уходят люди,
И земля пустеет... Что с ней дальше будет?*

*Повернуть к истокам надо нам однажды,
Чтоб деревне русской жить светлей и краше!*

(Русская деревня, с. 55)

Поэт как истинный патриот обращается к родной земле:

*Сохрани и спаси
Русская земля!*

(«Зазвони колокол...», с. 54)

Еще в «Слове о полку Игореве» вся Русская земля объединяется в один конкретный и живой образ прекрасной и страждущей Родины, что служит призывом всего народа — сверху донизу — к единению, ибо только единство перед лицом значительных трудностей может спасти и сохранить как весь народ, так и отдельного человека.

Неспокойно на душе у О. Пантюхина — иначе и быть не может — и от мировой несправедливости, от зверств злодеев-террористов. Но он твердо верит:

*...В то, что спасется наша Земля,
Свято верю.
Верю — очистится от беды
Вся планета,
Станет обителью доброты,
Любви и света...*

(«Желтыми листьями октября...», с. 56)

*...Всем нам немного света, хоть чуть-чуть,
Так не хватает после зимней стужи.
Планета снова к солнцу держит путь,
Чтоб воскресить израненные души...*

(«Глоток вины... Так хочется его!...», с. 41)

Автор не только верит, но и знает средство преодоления зла, он воздействует на душу, пользуясь духовной силой слов, — люди, несмотря ни на что, не должны остудить свои сердца.

*...Я не прячу от холода душу.
Если сердце согрето теплом,
Даже в самую лютую стужу
Можно быть негасимым огнем!*

(«Заметает февраль все дороги...», с. 45)

Любовь, которую человек несет в мир, способна не только помочь миру, но обладает исцеляющей силой и для самого человека. Тот, в ком душа полна любви и света, знает об этом.

*...На языке любви
Поговори с природой,
И в сердце непогоды
Развеются твои.*

(«Октябрьский теплый день...», с. 49)

«Бог есть любовь»*, — говорит нам Священное Писание, учат апостолы и передают в своих произведениях духовные писатели и поэты. Но неправильно думать, что уже не нужно говорить и писать о том, о чем было сказано и написано до тебя. Писатель, поэт в силу своего жизненного опыта, образования, той или иной степени развития интуиции, благодаря информации, содержащейся в подсознании, своеобразному сочетанию левого и правого полушарий мозга, проникновению в бессознательную сферу психики, может увидеть то, что никто не видел до него в уже исследованной, казалось бы, области — новая сторона, новый оттенок, новое свойство меры. Так и Олег Пантюхин не боится говорить о Боге, о вере, ибо он глубоко — не формально, но и не фанатично-идолопоклоннически, не по-фарисейски — верит в Бога и понимает, что только в Нем и может человек быть человеком. Он считает:

*...Каждый сам приходит к Богу,
Чтоб себя не потерять...*

(«В храме тихо и просторно...», с. 58)

Добавим — и обрести! Обрести себя настоящего, не половинчатого — только постоянно раскаивающегося и постоянно смиренного, — а цельного, который, наряду с сокрушением о себе, просит у Господа сил на активную, действенную Любовь.

ИИСУСУ ХРИСТУ

*Страстям мы предаем себя,
А Ты нас любишь до последних вздохов.
В грехах своих, невежестве, пороках
Живем мы, позабыв Тебя.
Ты видишь каждый жизни нашей шаг.
Твой Ангел неотступно с нами.
От бед хранит он нас крылами,
Скорбит, когда нас побеждает враг.
О, Боже! Дай же нам любви!
Твоей святой, божественной, незримой!
Ни сердцу, ни душе жить без нее нет силы.
Прости нас, Боже, и благослови!
И в час закатный грешная душа
Почувствует, как луч, Твое прощенье,
Оставив силам вражьи прегрешенья,
Воспрянет, божьей радостью дыша! (с. 60)*

В заключение скажем: автору кое-где еще нужно поработать над стихами, но не это главное. «Поэтическое видение мира, ассоциативность, подчиняющаяся своим особым законам, а не законам логики, и ассоциативная образность — вот что... в первую очередь определяет поэзию, а не ритм, строфика, или рифма.»** Стихи поэта Пантюхина — это непрерывающийся поток чистой живой воды из родника его души, глубоко поэтической души. И странно, что этого не заметил такой крупный поэт, как В. Пахомов, который должен был — ради непогрешимой истины — осветить своим

* «И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем. (1Иоан.4:16)

** М. Кудинов, вступительная статья к кн. Вольтер «Стихи и проза», 1987

авторитетом талант автора сборника, но... не сделал этого, и даже наоборот. Однако подобные странности мэтра не умалили и не умалят ценности стихотворений Олега Викторовича Пантюхина. Мы же только повторим за ним:

*Нельзя шутить с судьбою,
Со случаем шутить.
Ты доброю душою
Всегда старайся жить...*

(«Нельзя шутить с судьбою...», с. 61)

ПЕВЕЦ ЗЕМЛИ И ЧЕЛОВЕКА

(О книге Владимира Пашутина «Савелий»^{*})

Владимира Пашутина до сих пор я знал как композитора, поэта, автора и исполнителя песен. Но вот в руки попала его книга — повесть «Савелий», и я открыл для себя Пашутина-прозаика — и очень хорошего прозаика. Произведение написано качественно, профессионально, но главное даже не это — а каждой строкой, каждым диалогом, любой страницей излучаемая доброта автора, его душевность и любовь как к большой, так и малой родине, к людям, патриотизм.

Владимир Пашутин устами одного из своих героев говорит нам о вечном уважении русских к предкам и о неизбывной черте народа — сострадании: «Эх, Русь, сколько ты потеряла за свою историю драгоценных жизней. Сколько еще остается, и будет оставаться детей-сирот, не познавших ласку своих отцов, вдов...» (Владимир Пашутин, «Савелий», с. 30). Фамилия этого героя — Оуэн, зовут Конн. Он — потомок выходцев с Британских островов, ирландцев, эмигрировавших в Россию еще при Петре I. В нем нет ни капли русской крови, но выбор его — быть русским. Это еще раз подтверждает правоту «Декларации русской идентичности», принятой на XVIII Всемирном русском народном собрании, в которой говорится: «...Русский — это человек, считающий себя русским; не имеющий иных этнических предпочтений; говорящий и думающий на русском языке; признающий православное христианство основой национальной духовной культуры; ощущающий солидарность с судьбой русского народа»^{**}.

И еще очень важный момент. В повести «Савелий» показано истинное отношение — уважение — русских к другим народам и народностям, населяющим нашу большую страну: «Валерий Зубов распорядился делать походные стоянки подальше от аулов, чтобы не стеснять местных жителей людским и лошадиным обилием. С дагестанцами сложились очень хорошие отношения...» (Там же, с. 8).

В произведении хорошо дан образ светлейшего князя Потемкина, самого достойного (фактического) руководителя страны в послепетровскую эпоху, заботившегося, к примеру, о рядовом солдате, как о собственном сыне. Не случайна ответная любовь к нему солдат и офицеров той поры. «Лет десять — пятнадцать тому назад нам заменили солдатскую форму на более удобную. Фельдфебель говорил нам: “Эту форму придумал сам Светлейший Потемкин. Носите на здоровье!”» ...«Особое внимание у него было к русскому солдату. Его реформы в этом деле можно поставить рядом с военными победами Суворова...» (Там же, с. 24—26).

В. Пашутин в течение всего повествования удачно вкрапливает в динамично развивающийся сюжет воспоминания главного героя, Савелия, и множество интересных

^{*} Пашутин Владимир. Савелий: повесть. Тула: Изд-во ТулГУ, 2014. — 102 с.

^{**} Документ принят 11 ноября 2014 года по итогам заседания XVIII Всемирного русского народного собрания, посвященного теме «Единство истории, единство народа, единство России».

и полезных исторических сведений, что говорит не только о большой эрудиции автора, но и о понимании им непрерывности и преемственности истории.

Повесть Владимира Пашутина — и о Тульском крае. А как может быть иначе, если он — певец нашей земли: ее столицы — Тулы, городов и сел области, уникальных ее памятников и природных красот, где корни и самого автора, и его дальнего предка — Савелия. В частности, Пашутин пишет об истории дома-усадьбы графа А. Г. Бобринского — жемчужины края, о многих реках и тогдашних селах, о земледелии той поры (Там же, с. 57—60). Он хорошо знает историю Тулы и ее прошлые и теперешние значимые места, в частности: Конный рынок, Храм во имя Двенадцати Святых Апостолов, дворец купца I гильдии В.И. Ливенцева и другие (Там же, с. 75).

Остросюжетность в описании боевых действий и событий во время путешествия — одна из замечательных черт повести. Военная обстановка и действия военных в боевых эпизодах так хорошо передаются, будто автор сам был их участником.

Художественная ценность книги во многом определяется и пейзажными зарисовками. Владимир Пашутин делает это мастерски. Вот описание пейзажа, связанного с обстановкой: «Четверо друзей и не заметили, как наступила ночь. Она была очень темной, в двух шагах ничего не видно. Чуть-чуть рассеивали тьму ближние и дальние костры. Небо заволокли тучи. Луны не было. Поначалу теплый легкий, ветерок стал приобретать силу, и она с каждой секундой увеличивалась. Такая погода настораживала. Друзья поспешили... в свои расположения. Савелий... стал ждать полковника...» (Там же, с. 12). Короткими фразами, как художник мазками, автор емко рисует красоту окрестной природы: «Дорога проходила по прикаспийской низменности. Сочная зеленая трава была уже достаточно высокой. «В средней России сейчас бы ее уже косили, а через месяц-полтора устроили бы второй укос», — подумал Савелий. Со всех сторон доносилось: «Спать пора, спать пора», — это созывали своих цыплят перепелки. Нескольким раз Савелий замечал вдали высоко подпрыгивающую лисицу, охотившуюся за мышами. Высоко в небе пели зяблики. Савелий посмотрел на небо и увидел коршуна, который, прижав к телу крылья, стремительно бросился вниз и, еще не долетев до земли, схватил свою очередную жертву и, раскрыв крылья, спланировал куда-то в сторону, пропав в высокой траве...» (Там же, с. 17—18). Автор хорошо знает мир животных степного края, в котором разворачивается действие большей части повести и красочно изображает его обитателей.

И уж, поскольку мы коснулись этой темы, то следует сказать и о любви к лошадям — тогдашним постоянным спутникам русского солдата-крестьянина. «Привели свежих лошадей. Одну запрягли в телегу, а другую привязали сзади нее. Лошади, которые шли непрерывно от самого Дербента, были уведены для заслуженного отдыха. Когда их уводили, Савелий каждую нежно погладил и поцеловал на прощание. В глазах у него появились слезы...» (Там же, с. 45). Владимир Пашутин как бы говорит нам — без любви к братьям нашим меньшим не может быть большой души у человека.

Автор и в прозе остается поэтом. О любви главного героя он пишет красиво, с достоинством, ведь это — одно из лучших проявлений в жизни человека. А о диковинке того времени на столе, картофеле, в последствии ставшем вторым хлебом в России, он создает целую поэму. «Господи, не в раю ли я? Что за царская еда!»

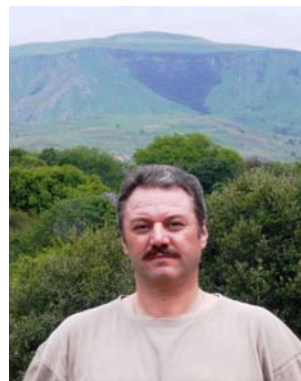
Однако повторимся, как бы ни красиво было то или иное описание, созданное Пашутиным, каких бы сведений или событий он ни касался, будь то медицинский осмотр врачом раненного офицера и лечебные действия (Там же, с. 47) или что-то другое, это — прежде всего, профессиональный рассказ писателя, в котором простой природный юмор автора то тут, то там искринками рассыпается по всему произведению...

Вот и закончилась 1-я часть повести «Савелий». Перевернута ее последняя страница, на которой Владимир Петрович Пашутин делает посыл к ее продолжению, ко 2-й части — «Савелий и его потомки». Пожелаем и мы доброго пути автору и его героям!

Игорь Карлов

(г. Подольск, Московской области)

ИЗ ОПЫТА КИТАЙСКИХ ТОВАРИЩЕЙ

Заведующий отделом международных связей журнала «Приокские зори».

Лента нашего литературного телетайпа пестрит новостями, долетающими со всех концов света. Сегодня мы предлагаем читателям «ПЗ» обратить взоры на Восток. Уверены, что даже краткий обзор современной китайской словесности окажется небезыңтересным и небесполезным. При всей оригинальности искусства Поднебесной, при всем своеобразии сложившихся за тысячелетия великоханьских культурных традиций (в особенности же традиций, выработанных в период образования и становления КНР), при всем европоцентризме отечественной беллетристики не только любопытно, но и поучительно сопоставить состояние литературного процесса в России и в Китае.

Общим местом стали слова о китайском чуде. Произносятся они с различными интонациями: кто-то шепчет их с придыханием, кто-то выдавливает из себя с явным озлоблением, но бесспорным остается тот факт, что Китай ныне прочно обосновался на второй ступеньке пьедестала почета (и, разумеется, не только в спорте — чуть ли не по всем показателям). Не стоит впадать в самообман, слушая скромные речи самих китайцев, заявляющих, что роль страны номер два их устраивает во всех отношениях, что они добились всего, чего хотели, что дальнейшее развитие КНР будет направлено исключительно вовнутрь. Нет, конечно. За показной сдержанностью привычных к самодисциплине азиатов скрывается бешеный темперамент потенциального гегемона. Доминирования в современном мире сыны Поднебесной станут добиваться всеми доступными средствами, например, демонстрируя так называемую «мягкую силу», которая неотъемлемой частью включает в себя искусство (и литературу, в частности). Поэтому давайте внимательнее всмотримся: что за свет сияет сегодняшним читателям с Востока...

Давно канули в Лету те века, когда каждый китайский чиновник обязан был продемонстрировать чуть ли не дословное знание классических произведений — экзамен на чин без этого не засчитывался. Подернулись пылью забвения десятилетия «культурной революции», когда любой китайский коммунист почитался более талантливый автором, чем гнилой интеллигент, не овладевший правильной идеологией, а романы, песенные тексты и революционные драмы создавались миллионами к очередному государственному празднику. Забываются те годы, когда уцелевшие после чисток литераторы (в КНР их называли «перезимовавшими комарами») робко искали точки соприкосновения с коммунистическим руководством, осуществлявшим курс реформ.

Сегодня в отношениях китайского писателя и властей предержавших начался но-

вый, интересный этап. В партийных и государственных структурах КНР никто не спешит расставаться с коммунистическими догмами, границы дозволенного для миллиардного населения страны обозначены по-прежнему наглядно, может быть, на наш изнеженный демократией взгляд, даже грубовато, впрочем, вполне прагматично. Однако отношение к официальной идеологии постепенно меняется. Внутри пространства, которое государство оградило красными линиями, есть возможность чувствовать себя если не свободным, то уверенным, есть возможность самовыражаться, проводить творческие эксперименты, зарабатывать; перейдя известные всем рамки можно столкнуться с неприятностями. И, похоже, сложившееся положение вещей устраивает как широкие массы населения, так и большинство творческой интеллигенции. Профессор восточноазиатских исследований Нью-Йоркского университета Сюдун Чжан (подчеркнем: китаец, но при этом сотрудник самого что ни на есть либерального учебного заведения) заявляет прямо и однозначно: «Искусство — проводник идей государства во имя любви к Родине. Согласно древней китайской традиции, литература и искусство понимаются как дорога в рай. Другими словами, политический строй должен проводиться в жизнь и вдохновлять граждан средствами литературы и искусства».*

Таким образом, сегодня в КНР идеологическая составляющая искусства стала прочной основой всего понятийного комплекса, описывающего культурную ситуацию в стране. Судя по всему, это не приводит ни к застою, ни к деструктивным тенденциям в творческой среде. Скорее, наоборот. Хотя нам, наследникам «самиздата» и пересторечной периодики, сложно себе такое представить.

Во второе десятилетие нового тысячелетия Китай вошел с твердым осознанием того, что художественная культура, подпитывающая интеллект, являющаяся базисом, как образования, так и морально-нравственных устоев общества, не менее значима, чем экономические или финансовые достижения. Причем такое отношение к искусству не мода, не веяние времени — стратегия, разработанная уже давно и рассчитанная на длительную перспективу. Сошлемся на посвященную вопросам индустриальной модернизации Китая статью кандидата экономических наук О. Н. Борох, которая отмечает следующее: «Руководство КНР ставит культурное развитие в один ряд с экономическим развитием. На XVI съезде КПК (ноябрь 2002 г.) была поставлена задача, ускорения развития культурной индустрии... Концептуальные основы реформирования культурной сферы были заложены при обсуждении вопроса о том, можно ли культуру полностью отдать рынку. Было проведено разделение на две сферы: сферу общественных благ — библиотеки, музеи, радио, телевидение — и культуру как индустрию, т.е. то, что уже относится больше к рынку... В 2009 г. Госсовет КНР обнародовал план подъема культурной индустрии. В 2011 г. была поставлена задача превращения культурной индустрии в опорную отрасль китайской экономики. Впервые на 12-ю пятилетку был разработан специальный раздел по развитию культуры. В 2011 г. прошел пленум ЦК КПК, посвященный превращению Китая в «могущественное культурное государство». Такой Китай, по мнению руководства страны, должен восприниматься не только как страна-производитель, но и как креативная страна».**

Смеем заверить, что это не только намерения. Это четкий план практических до технократизма руководителей, которые, поколение за поколением, движутся в намеченном направлении, словно рыба на нерест. В соответствии с этим выработанным некогда планом Китай стал ядерной державой, вышел в космос, научился изготавли-

* Сюдун Чжан. Быть патриотом — немодно? <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Lenin-ideal-kitajskoj-intelligencii>.

** Борох О. Н. Стратегия развития культурных индустрий КНР//Азия и Африка сегодня. № 8, 2012. С. 49

вать компьютеры и автомобили, занял место мирового банкира. И в Поднебесной, во-первых, никто не посыпает голову пеплом по поводу того, что план этот набросал ужасный Мао Цзэдун (впрочем, об исторической роли «великого кормчего» китайцы все-таки спорят, спорят о том, на сколько процентов Мао был плохим: на тридцать или на сорок, потому что всем ясно — на шестьдесят или даже семьдесят процентов он был хорош). А во-вторых, в КНР никто не рефлексует по поводу того, что для реализации начертанного плана надо было пройти не самый почетный путь ученика, копииста, плагиатора.

Можно не сомневаться, что великой креативной страной Китай станет. Уже становится: не международные инвесторы, не сердобольные филантропы или НКО и не доморощенные меценаты заняты этой задачей — скучные бюрократы из партийно-государственных структур. Нынче в КНР почетная роль интеллигенции закреплена в основополагающих документах КПК, законодательство страны изменяется с учетом защиты прав интеллектуальной собственности, в международных организациях представители китайской державы упорно и наступательно отстаивают авторские права своих соотечественников.

А теперь позволим себе несколько наивно-бестактных (впрочем, вполне риторических) вопросов: сложно ли создать имидж креативной страны для России? Могла бы русская культура стать опорной отраслью отечественной экономики? Возможно ли у нас недвусмысленно разделить культуру, скажем так, высоких достижений и культуру как индустрию? Что мешает нашим властям хотя бы в перспективе обозначить переход к построению «могущественного культурного государства» как свою задачу? Есть ли дело исполнительной и законодательной властям до творческой интеллигенции, призванной формировать граждан и избирателей? Сложно ли создать логичную, понятную и четко действующую систему, защищающую авторские права создателей культурной продукции? Не стало ли осуществление «грандиозных» мероприятий по проведению годов культуры да литературы досадной помехой на пути возрождения культуры и литературы России?..

И если после всех этих вопрошаний вновь перевести взгляд от родных осин в бамбуковые кущи, то глаза русского интеллигента подернутся слезой — больно резок контраст. Сегодня китайскую культурную продукцию люди во всем мире потребляют с завидным аппетитом, причем китайцы, виртуозные повара, ловко пользующиеся разнообразными приправами, готовы удовлетворить запросы как утонченных эстетов, так и самой широкой публики. В настоящее время КНР занимает третье место в мире по производству кино и телефильмов. Кинематографисты Поднебесной не дают голливудской продукции заполнить свой внутренний рынок, а сами потихоньку подбираются к вершинам мирового признания, регулярно предлагая зрителям как фильмы, увенчанные лаврами престижных фестивалей, так и зрелище для неискушенной публики. Прочитываем вновь уже упомянутого профессора Сюдуна Чжана: «Массовую культуру сегодня представляет не кино, а телевизионные постановки, которые каждый вечер смотрят миллионы людей. В этих постановках можно увидеть возрождение патриотизма, прославление коммунистической партии, революционно-го прошлого».*

Действительно, современное китайское телевидение делают стажировавшиеся в лучших мировых центрах специалисты, делают профессионально, умело, однако явно сверяясь с руководящей ролью КПК. На наш взгляд, контент бесчисленных китайских телеканалов несколько однообразен и нацелен не на взыскательную аудиторию, однако при всем том, бесспорно, находится на уровне современных технических тре-

* Сюдун Чжан. Быть патриотом — немодно? <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Lenin-ideal-kitajskoj-intelligencii>.

бований. То же можно сказать и о компьютерных технологиях. Китайские программисты (чувствующие, напомним, за своими плечами законодательную и юридическую поддержку государства) создают компьютерные игры, завоевывающие все более широкую аудиторию в Сети.

Однако для нас, для тех, кто работает с литературным телетайпом, интереснее, конечно, печатное дело. Так вот, Китай прочно держится на первом месте в мире по номенклатуре названий книг, издаваемых за год. Среди них и удостоенные авторитетнейших премий тома, и красочные издания для детей, и адаптированные для западного читателя произведения древних мудрецов — опять-таки продукция на любой вкус. При этом, как и в других отраслях, китайцы только на первом этапе делают ставку на внешний рынок: чтобы закрепиться, понять технологию успеха, отработать маркетинг, а затем презентовать своему читателю беллетристику наивысшего качества. Алгоритм действий примерно такой же, как при изготовлении западных гаджетов или русских истребителей: покупается технология, обкатывается на мировом рынке, после чего предлагается внутреннему потребителю.

Как это работает в сфере литературы? Китайские стихотворцы, пожалуй, сказали бы, что не очень хорошо: они, точно так же, как их коллеги из страны, где поэт — больше, чем поэт, часто вынуждены издавать сборники за свой счет. Однако прозаики живут другими мерками. Тиражи китайских авторов эпических произведений — от 5 до 8 тысяч экземпляров. Для страны с огромным населением, казалось бы, не так уж и много, но номенклатура книг, напомним, широчайшая. Если же говорить о произведениях, выбивающихся в бестселлеры, то их тиражи могут достигать и сотни тысяч экземпляров. Как же не позавидовать (по-доброму, разумеется, по-хорошему) такому положению вещей!

И как же понятно нам, русским, то, что именно через книгу, через язык творческая интеллигенция Китая стремится отстоять и сохранить своеобразие своей цивилизации. Известный китайский филолог, профессор Института зарубежной литературы Академии общественных наук Китая господин Лю Вэньфэй размышляет: «...утрата классических ориентиров, особенно в языке, ведет и к эстетической, и, что особенно страшно, к этической деградации, в результате чего произведения литературы вместо преобразования жизни усугубляют ее тяготы. Основная же задача реалистичной литературы — не только показать правду жизни, но и дать надежду для дальнейшего существования, оказать некую психологическую поддержку... К счастью, китайский язык мало кто знает! Он сложен в изучении. Иероглифы — это в какой-то степени наша защита от вторжения в китайский язык иноязычного начала... И это дает возможность сохранить языковую самобытность и защитить нашу современную культуру от натиска глобализации».*

Кто возьмется утверждать, что указанные проблемы не коснулись нас, русских, что наблюдения и соображения китайского профессора нам абсолютно чужды и не нужны?! А ведь стартовые условия у наших китайских коллег были гораздо более сложные, чем у отечественных деятелей культуры еще лет двадцать — двадцать пять назад. В СССР было предостаточно образованных, грамотных людей, существовал культ книги, количество желающих заниматься творческими профессиями зашкаливало. В КНР же и сегодня образовательный уровень потребителей культурной продукции крайне низок — упомянутые выше миллионы зрителей сериалов в массе своей окончили лишь 10 классов школы.

Действительно, проблемы культурного и интеллектуального развития китайцев стоят довольно остро. Специалисты констатируют: «Население страны в целом отличается низким культурно-техническим уровнем. Вузы и приравненные к ним высшие

* Вэньфэй Лю. Статья переводчиком сегодня никто не мечтает // Литературная газета, № 38, 2012.

курсы окончили всего около 3 процентов населения (правда, это порядка 40 млн. человек). Вопрос заключается в том, насколько в дальнейшем будут эффективными усилия китайской образованной элиты».*

А в эффективности прилагаемых к культурному развитию усилий, как мы уже отметили выше, сомневаться не приходится. Сошлемся на два примера, на два имени, иллюстрирующих нашу мысль.

И первое имя — Юэ Нань. Впрочем, это псевдоним, а настоящее имя известного китайского писателя, родившегося в 1962 году в уездном городе Чжучэн в провинции Шаньдун, — Юэ Юмин. Жизненный путь Юэ Юмина романтическими подробностями не изобилует. Скорее, наоборот, это типичный путь типичного представителя своего поколения: после окончания средней школы юноша поступил на литературный факультет Института литературы и изящных искусств (внимание!) при Народно-освободительной армии Китая. Затем продолжил образование в аспирантуре Пекинского педагогического университета искусств имени Лу Синя, где стажировался на факультете литературоведения. В настоящее время Юэ Нань — член Союза писателей КНР, вице-президент Ассоциации изучения китайской палеографии, приглашенный профессор в Тайваньском университете Цинхуа. Над экранизацией произведений Юэ Наня совместно работают Национальное телевидение КНР и Пекинский университет. В 2011 году доход писателя от издаваемых книг и продажи прав на издательство составил 1 млн. 750 тыс. юаней (по курсу 2011 года это порядка 7 млн. рублей). Таким образом, Юэ Нань занял 24 место в списке самых высокооплачиваемых авторов по версии журнала «Форбс».

Хотите знать, как писателю войти в список «Форбс»? Боюсь, мой ответ многих разочарует: дело не в «рукопожатности», не в премиально-тусовочной востребованности, не в извращенно-экстатических перформансах. Просто надо много и напряженно работать. Юэ Нань, например, восемь лет трудился над исторической трилогией «Бегство на юг, возвращение на север», получившей высокую оценку критиков, ставшей бестселлером, который, собственно, и принес автору миллионные гонорары.

Это, кстати говоря, великолепно характеризует не только писателей, но и читателей из Поднебесной: там сохранен интерес к произведениям патристическим, национально ориентированным, позволяющим душе современника поверять проблемами и коллизиями давно минувших дней. А Юэ Нань, отвечая на запрос аудитории и, разумеется, отвечая своим творческим, личностным потребностям, продолжил идти избранным путем: в 2012 году литератор издал одиннадцатитомную серию книг в жанре документальной прозы «Тайны китайской древности». Новое эпическое полотно одного из ведущих специалистов по китайским древним рукописям не только вызвало очередной всплеск читательского интереса, но и стало авторитетнейшим трудом по палеографии.

Так творит Юэ Нань, ученый, писатель. Литературное творчество и исторические открытия в его произведениях гармонично сочетаются, дополняют друг друга, приглашая читателя в увлекательнейший мир величественных древних монархий.

А вот другое имя в современной китайской литературе, другой путь, другой взгляд на ремесло — тонкий, своеобразный лирик Ван Цзюсинь, один из наиболее известных современных китайских поэтов, обладатель литературной премии имени Лу Синя.

Свои произведения Ван Цзюсинь порой подписывает псевдонимами, из которых нам известно два. Один из них — Ван Найцзю, что можно перевести как Надежный Ван или Выносливый Ван. Очень точное имя, за которым встает ясный образ, что,

* Чудодеев Ю. В. Вызовы глобализации и перспективы сотрудничества // Азия и Африка сегодня, № 10, 2011. С. 5.

впрочем, станет понятно читателям чуть позже. А вот второй псевдоним китайского стихотворца — Синь Цзы — предполагает более широкую трактовку, и понимать его можно даже в традициях русской литературы. Одно из значений имени Синь Цзы — Страдалец. Однако его можно перевести и так: Горький. Ни больше, ни меньше.

Предки Вана Цзюсиня — выходцы из провинции Хэбэй, сам же господин Ван родился в провинции Шэньси, в Сиани. Этот факт во многом предопределил взгляды поэта на искусство: Сиань, древняя столица Китая, с раннего детства открыла ему красоту и великолепие старинных китайских памятников, дворцов, крепостей. Ван Цзюсинь любит родной город, как все местные жители, однако стихотворцу дано и землякам, и приезжим открыть глаза на то, мимо чего иные могут пройти, не заметив. Ван Цзюсинь приглашает полюбоваться Сианью как можно большее количество людей, направляя их созерцательные восторги в творческое русло. Сегодня в провинции Шэньси проходит несколько поэтических фестивалей, за которыми Ван следит ревностно и неотступно. Впрочем, он прямо признает, что в представленных на творческих форумах текстах высоких образцов лирики встречается, к сожалению, крайне мало. Однако, считает Ван Цзюсинь, это не повод для черного пессимизма. Напротив, чем меньше золотых крупинок попадаете старателям от поэзии, тем выше следует ценить редкие находки!

Каково же его собственное творческое кредо? В стихах Вана Цзюсиня слышны явные переключки с произведениями средневекового поэта Ли Бо. На страницах сборников нашего современника мы можем встретить изысканные образы из далекого прошлого: вот великий император Сюань-цзунь во всем блеске своей славы; вот одна из четырех легендарных красавиц в истории Китая — Ян Гуйфэй; вот прекрасная наложница наливает вино императору... Каждый из этих персонажей, каждый их жест, каждое слово полны голубого символизма. Господин Ван сложил несколько поэм об эпохе, вошедшей в китайскую историю под именем Золотого века Танской поэзии. В те времена художественное слово ценили, восхищались им, ориентировались на него.

Основной вопрос, к которому постоянно возвращается Ван в своих книгах, по остроте близок к «проклятым» русским вопросам: можно ли сегодня возродить дух средневекового преклонения перед поэтическим словом? Ван Цзюсинь считает, что лирика — поприще возвышенное, однако далекое от аристократической заносчивости. Стихотворцы древности редко были выходцами из благородных семей — они происходили из народа и писали для народа. Пусть круг читателей в прошлом был достаточно узок, это не мешало широким массам населения любить своих поэтов, создав настоящий культ поэзии.

Характерное для Вана Цзюсиня рыцарское служение стихотворству предопределило основу не только его эстетики, но и этики. Ван не сомневается: только лирика поможет Китаю стать по-настоящему процветающим. Прислушаемся к пророчеству поэта: «По моему убеждению, лишь когда наш народ всем сердцем полюбит и примет поэзию, тогда и можно будет говорить о создании благоденствующего Китая. Это очевидно: нельзя считать богатым человека, озабоченного исключительно вопросами благосостояния и потребления, но не имеющего лирического чувства, не несущего в душе романтики. В действительности такой человек беден, ... потому и «век процветания» будет мрачным, если в нем не найдется места поэзии». И ведь, действительно, это очевидно. Слава богу, все еще находятся на планете люди, готовые повторять человечеству прописные истины!

Ради торжества прописных (но несомненных и вечных!) истин Ван Цзюсинь и берется за перо. Он горячий сторонник популяризации поэзии, в том смысле, что эмоции и мысли, заключенные в стихотворной форме, должны получить всеобщее

распространение. Однако относительно поэтического языка он придерживается иного мнения. Ван Цзюсинь говорит: «Преподаватели и образованные люди не должны давать место ни вульгаризмам, ни сленгу в своих текстах, иначе они уподобятся уличным торговцам. Но и анахронизмов стоит избегать. Главное — это думать о том, как донести свои чувства в стихотворении, а не увлекаться поиском формы. Люди сами почувствуют это, и тогда произведение станет поистине народным».

Следует сказать, что Ван Цзюсинь на практике остается верен своим теоретическим принципам. Он активно вмешивается в жизнь, стремится оказать влияние на возможно большее количество потенциальных читателей, в том числе и за счет обращения к смежным искусствам. Ван Цзюсинь является популярным автором песенных текстов, охотно сотрудничает с создателями телевизионных фильмов. Написанные им сценарии и диалоги к нескольким сериалам были отмечены премиями Министерства по делам телерадиовещания КНР и руководства Центральной китайской телевизионной станции (CCTV). Немало сделано Ваном Цзюсином также на посту директора драматического театра Ланьчжоуского военного округа.

Но родная стихия Вана Цзюсиня, безусловно, — стихия стиха. Он твердо убежден: цель поэтического творчества не ограничивается самоудовлетворением и самовыражением; задача поэта, устремившего сосредоточенный взгляд в глубину веков, постоянно размышляющего о будущем народа, — наполнить свои строки глубоким смыслом. Поэт должен избавиться от влияния моды и навязываемых ему установок, проникнуться мощью национальной культуры, и тогда ему откроется возможность создавать великие произведения.

Обостренное чувство социальной ответственности предопределило отношение Вана Цзюсиня к фигуре литератора в современном мире. Господин Ван и здесь остается вполне в рамках традиционных представлений. По его мнению, поэт обязан впитать жизненный опыт народа, систематизировать его, постараться освоить всю сумму знаний, выработанных нашей цивилизацией. Человек, наделенный даром слова, издавна стремился не только документально записать произошедшее, но творчески осмыслить событие, внести его в народную память в виде совершенных художественных образов. Это необходимо для укрепления национального духа. Но в этом есть и сверхзадача. Цель лирики, по сути, глобальная: поэт стремится предостеречь все народы от тех ошибок, которые были совершены в его стране, назидательно рассказать человечеству о бедах, что выпали на долю его родины.

Вот почему, начиная с самых ранних стихов, Ван Цзюсинь не устает призывать к миру. С высоты нашей эпохи, с высоты современного понимания гуманизма Ван Цзюсинь показывает, например, одну из трагических страниц истории Китая — Нанкинскую резню. Возмущение и скорбь составляют основной пафос поэтического повествования о страшной трагедии. Однако поэт и здесь остается верен гуманистическим принципам. Чудовищные преступления японских милитаристов не рожают в его душе ни национализма, ни ксенофобии.

Итак, еще раз повторим (чтобы отложилось в памяти), каковы основные принципы творчества Вана Цзюсиня: призыв к миру и гуманизму, сознательное социальное служение писателя, отказ от авторского эгоцентризма, опора на национальные традиции и духовность, художественное исследование прошлого во имя счастливого будущего народа. Кто посмеет осудить эти принципы? Кто, кроме воинствующих мракобесов от искусства, скажет, что они устарели и никуда не годятся?

А теперь, для полноты картины, несколько дополнительных штрихов к портрету Надежного Вана, поэта, стремящегося насытить свои произведения таинственными восточными символами, ценителя утонченной древности, сторонника изысканного, но ясного слога. Еще несколько сведений из биографии, которые специально остав-

лены напоследок. Итак, Ван Цзюсинь, член Коммунистической партии Китая, народный писатель КНР, лауреат Первой премии Отдела пропаганды ЦК КПК, полковник НОАК, начинавший с должности командира взвода, в прошлом сотрудник пресс-службы вооруженных сил КНР и отдела культурной деятельности одного из военных округов, лучший военный поэт 2009 года. Заместитель главного редактора периодического издания «Военная литература северо-запада», главный редактор журнала «Военная полиция», исполнительный директор альманаха «Культура», выходящего на китайском и английском языках. Приглашенный профессор института изящных искусств при НОАК.

Неожиданно, не правда ли? Тут, переживая когнитивный диссонанс, иной рафинированный интеллигент, пожалуй, завел бы старую песенку про «гуманиста в погонах»... У нас же язык не повернется. Информация о гармоничной и, видимо, внутренне непротиворечивой встроенности Вана Цзюсиня в политическую систему современного Китая нисколько не поколебала нашей уверенности в искренности его убеждений и слов. Ни погоны, ни благосклонность Отдела пропаганды ЦК, ни административная работа не мешают ему оставаться донкихотом лирики. Да и как можно в этом сомневаться, помня недавнюю историю русской советской литературы, биографии лучших ее представителей! И как тут не закрасться крамольной мыслишке: а что, если верность государственному подходу и партийной линии не мешает, а даже помогает выживать высокой поэзии? Впрочем, это тема для другого, отдельного разговора. Мы же вернемся к современной китайской литературе.

Она разнообразна и по художественным почеркам творцов, и по их общественной позиции. Сегодня бывшее единомыслие осталось в прошлом. Наряду с голосами дисциплинированных, революцией мобилизованных и призванных лауреатов звучат и другие голоса. Правда, раздаются они чаще из-за рубежей Поднебесной. Например, живущий в Германии писатель-диссидент Ляо Иу в 2012 году довольно резко отозвался о решении присудить Нобелевскую премию в области литературы Мо Яню, высокопоставленному функционеру в писательской организации КНР. Ляо Иу назвал своего коллегу «коммунистической марионеткой» и заявил, что «был потрясен» решением Нобелевского комитета. Имеет право!

И таких инакомыслящих становится с годами все больше. Цитировавшийся выше профессор Сюдун Чжан, обладатель китайского паспорта, работающий, однако, в США, отмечает, что фрондерские тенденции заметно развились сегодня среди деятелей китайской культуры (впрочем, профессор тоже не скрывает, что ярче всего проявляется вольномыслие все же не в материковом Китае, а среди представителей диаспоры): «За последние 25—30 лет произошли огромные изменения. Нарушилось единство политики и искусства. Коммунистическая идеология, моральный авторитет правительства — все это ушло. Этому способствовала рыночная экономика, расцвет городов, западное влияние, социальные свободы, возникновение среднего класса. Для интеллектуалов, принадлежащих к элите, для авторов с мировым именем, которые не особо заботятся о мнении правительства, стало немодно и нежелательно быть патриотами и говорить на темы, содержащие даже малейший намек на патриотизм. Однако это справедливо по отношению к элитарным деятелям культуры, которые в основном живут на Западе или в крупных городах».*

И снова нельзя не подивиться почти абсолютному подобию культурной реальности у нас и в Поднебесной! Тема интереснейшая, и, если позволят обстоятельства, мы постараемся вернуться к ней. Сейчас же, завершая краткий и, разумеется, не претендующий на исчерпывающую полноту обзор современной китайской литературы, от-

* Сюдун Чжан. Быть патриотом — немодно? <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Lenin-ideal-kitajskoj-intelligencii>

метим сходство проблем, стоящих как перед нашими государствами, так и перед нашими культурами. Сегодня не только политическому руководству, но и большинству граждан стало очевидно: Российской Федерации и Китайской Народной Республике вместе легче противостоять экономическим, информационным и военным угрозам, возникающим в беспокойном, неустойчивом мире. Думается, поддерживая друг друга, Россия и Китай действительно смогут отстаивать также и свой культурный суверенитет.

У вас другое мнение? Хотите что-либо дополнить? Поделитесь информацией о литературной жизни Востока или Запада? Приглашаем вас высказаться на страницах «Приокских зорь». Ваших электронных посланий жду по адресу: LitTTY@yandex.ru.

Ирина Кедрова
(г. Москва)

**О РОМАНЕ ЯКОВА ШАФРАНА
«КРУГ ЗАМКНУЛСЯ»***

Член СП России, член Академии Российской литературы.

Яков Наумович Шафран — автор серьезный: стремится к глубокому и всестороннему раскрытию современной жизни, в котором объединены и взгляд из истории Отечества, и переживание сложностей, бед и радостей сегодняшнего времени, и православный настрой, и постоянный поиск ответа на вопрос: как быть, в чем и где искать достойное решение, верный путь развития российского общества.

Действие романа разворачивается широкой ретроспективой: здесь описание событий и мыслей общества начала прошлого века, затем фрагменты из двадцатых, середины тридцатых и сороковых годов, и главное — современность, охватившая в разных сюжетах и воспоминаниях время с восьмидесятых годов через девяностые и далее к десятым годам нового века.

Временной обзор огромен, и персонажей, охваченных этим обзором, не счесть. Впрочем, можно ограничиться и выделить главных. Предреволюционные, революционные и послереволюционные годы раскрыты в переживаниях и мыслях доцента Московского университета Михаила Григорьевича Заянчицкого, «питерского профессора и писателя» Николая Иннокентьевича Земскова, а также Павла Ивановича Соловьева, в характеристике которого автор указал: «действительный статский советник, в партиях не состоявший, патриот по убеждениям». Разумеется, рассказывая о них, автор называет также жен и детей, показывает нам атмосферу семей, напоминая, что все в жизни людей делается для благополучия родных и близких. И споры эти персонажи ведут для того, чтобы понять суть происходящего, отыскать верный путь дальнейшего развития России.

Углубляясь в суть споров, происходивших в начале прошлого века, конечно, опираешься на собственные знания о жизни и политической борьбе того времени: о кадетах, октябристах, эсерах, большевиках, а также о славянофилах и западниках, предвосхищавших борьбу взглядов начала двадцатого века, о силе православных идей, распространенных в обществе, и укреплении, особенно в советское время, взглядов безбожников. Однако главное — не опора на то, что ты знаешь, а внезапное осознание того факта, что в те времена, как и сейчас, шла острая борьба между сторонниками тех или иных взглядов на дальнейшее развитие страны, распространялась непрерывная говорильня, интеллигенция оказалась разобщенной и не смогла найти общую опору, да и не видела в этом необходимости.

Очевидно, такое положение и привело отдельных персонажей романа к бегству сначала в Болгарию, затем во Францию.

* Яков Шафран. Круг замкнулся. — Тула: Изд-во «Папирус», 2015.

Не в первый раз берутся отечественные писатели за раскрытие условий жизни вне России тех, кто вынужден был покинуть Родину. Не углубляется Яков Шафран в трагедию их дальнейшей жизни, лишь слегка касаясь бытовых деталей. Но и не это писатель ставит своей задачей. Он, на наш взгляд, показывает связь мысли того, давнего, времени об особенностях пути России с той же мыслью, распространяемой в наши дни.

Вторая, главная, линия романа заключается в описании жизни героя — Андрея Васильевича Курилова, чей предок — Григорий Курилов — жил до революции во владениях Николая Иннокентьевича, революцию встретил одобрительно, но и барина своего бывшего уважал, потому с радостью встретился с ним в сороковом году, когда оба по делам приехали в Москву: один из Патрусевска, другой из Ленинграда, в который все же вернулся из послереволюционного изгнания.

Писатель подробно описывает жизнь Андрея, его предпринимательские дела и проблемы, устремления и надежды, семейные радости, жизнь в Соединенных Штатах, куда тот решился выбраться, спасая себя и свою семью от тягот установления рыночных отношений, и где, в силу русского менталитета, не смог окончательно обосноваться: душа на Родину стремилась.

В описании жизни героя заложено огромное беспокойство автора за происходящее в стране: невозможность развития собственного дела, хотя в стране звучат немолкаемые призывы к мелкому предпринимательству; чиновничьи выдумки, направленные на стяжательство с тех, кто принимает на себя труд экономического укрепления страны; отсутствие прочности положения людей, какие бы силы ими ни вкладывались в свою жизнь, предательство сотрудников и тех лиц, которых ты считал товарищем и единомышленником.

Вместе с тем, Яков Шафран, помимо описания жизни и проблем современного предпринимателя, поднимает важнейшие вопросы жизни общества, вводит читателя в круг философских размышлений: о вере и Боге, о патриотизме и духовности, о революционном и эволюционном развитии страны. Он опирается на свои прочные знания, острое переживание происходящего в стране. Он сам неустанно ищет путь дальнейшего развития российского общества.

С какими-то взглядами писателя, мы с тобой, дорогой читатель, непременно согласимся. Не поспоришь с такими высказываниями:

«Много хороших моментов было, есть и будет в жизни — на то она и жизнь, творящая все новое и новое, иногда поражающая своими, казалось бы, парадоксами, но неустанно расставляющая все по своим местам» (с. 19);

«...так получилось с поколением Андрея в начале девяностых, когда молодые люди в двадцать пять — тридцать лет оказались среди жизни, совсем не той, какой их учили и для какой их воспитывали» (с. 20);

«Да у любого продавца в коммерческой сети зарплата больше, чем у врача, отвечающего за здоровье и жизни людей!» (с. 88);

«Если история представляется полной поражений и постыдных деяний, а родина малая и большая — помойкой, то растет не поймешь кто со слабой, бесформенной душкой. И кто угодно будет лепить из нее то, что ему угодно!» (с. 135);

«Теперь же некоторые «специалисты» пытаются внушить — русская культура необязательна. А ведь если отнять ее и традиции от народа, что от него тогда останется, во что он превратится?»

Должны ли мы становиться Иванами беспамятными, вернее имеющими «болонскую» память, то есть память на отдельные слова и термины, используемые в обиходе торговцами и чернорабочими, смысла же всего непонимающими...» (с. 137);

«...разве, не зная Истины, можно управлять?» (с. 141);

«...Земля — это космический организм, в котором, как и в человеческом, все друг на друга влияет» (с. 297).

В приведенных текстовых извлечениях мудрого автора раскрыты и наша жизнь, и наши размышления, и наши переживания.

Яков Шафран чрезвычайно лиричен и чувствителен, потому при чтении романа проникаешься описанием любовного чувства, первого интимного прикосновения, проливного дождя. Становишься наблюдателем важных деталей, психологически верно выписанных автором, слышишь шепот матери, льющийся к сыну из небытия и осязаемый им как вполне реальный и явственный. Разве нет у нас с тобой, дорогой читатель, жгучей тоски по матери? Разве не слышим мы в трудную минуту материнские слова поддержки? И не посылаем ли мы к своим детям такие же слова в их трудную минуту?

Особенно выделяется в романе третья линия — линия веры и религии, православия и христианства. О вере и Боге размышляют персонажи прошлого, мучительно бьющиеся в поиске ответа на вопросы: за что Господь наказывает страну и наказывает ли, или спасает? И главный герой романа, сквозь жизненные перипетии, приходит к Богу. Он идет в храм, критически оглядывает присутствующих в храме, в размышлениях осознает, что везде — на улице, в храмах, в разных учреждениях, в трудовых и других коллективах — встречаются истинно верующие люди, как и те, кто лишь демонстрирует свою веру, на самом деле этой веры не имея. Все зависит от самого человека, его чувства и сознания, только в храме свет и чистота помыслов крепче воздействуют на человека.

Раскрывая третью линию, автор обращается ко времени возникновения христианства, к причинам раскола на православную и католическую веру. Убедителен взгляд писателя на причины падения оплота православной веры — Византийской империи. Сквозь весь роман проходит мысль о связи и органичном единстве православия и России.

Глубокие мысли, острые вопросы и важные проблемы жизни российского общества раскрываются в романе. Оттого скажем: нужен роман, и вышел он вовремя, помогая нам, читателям, осознать единство времени, общность споров интеллигенции начала прошлого и нынешнего веков, положение России в мире тогда и сейчас, великое значение православия в развитии нашей страны.

Однако нельзя умолчать о том, что мешает чтению романа. В отдельных фрагментах чтение затрудняется. Это связано с тем, что автор, человек огромных знаний и опыта, иной раз забывает о стиле художественного изложения, вводя в текст то, что свойственно публицистическим статьям или научным докладам. Так, например, дается характеристика девяностых годов (с. 19, 21), указываются проценты сторонников государственной и частной медицины (с. 87).

Постоянные рассуждения персонажей не только вызывают интерес и желание понять взгляды описываемой личности или суть возникшего спора, но порой из-за чрезмерности и манеры изложения становятся утомительными. Их с нетерпением пролистываешь и вскоре возвращаешься к ним, чтобы все же разобраться. Полагаем, что автору следовало найти такую манеру изложения, которая не позволяла бы отвлекаться от текста.

Тем не менее, несмотря на какие-то огрехи, которые, при желании, можно найти в любом романе, скажем следующее: дорогой читатель, если ты — человек размышляющий, болееешь за наше Отечество, находишься в поиске выхода России на путь быстрого экономического развития, благоденствия общества, уверенного положения в мире, тогда читай книгу Я. Н. Шафрана «Круг замкнулся». Размышляй над ее страницами, спорь с автором, находи единство в твоих и в его взглядах. Открывай для себя автора и его новую книгу!

Николай Струна
(г. Тула)

«БЛИНЫ» КОМОМ

Газета «Тульский литератор» снова вышла в свет

Наконец-то в Туле стала выходить долгожданная газета литературного направления. О выходе этой газеты разговор в литературных кругах шел уже давно, с тех пор, как вышел ноябрьский 2010 года номер, последний номер при живом главном редакторе Николае Минакове. К сожалению, по причине болезни, Николай Николаевич уже не мог руководить изданием газеты, и все пять лет руководители Тульским региональным отделением Союза писателей России все решали вопрос о возможности издания газеты, о передаче полномочий редколлегии новому органу, о необходимости «завещания» этих полномочий. Писатели на своих собраниях предлагали начать выпуск литературной газеты под другим названием (например, «Литературная Тула») и с другим учредителем. То есть выпускать другую газету, которая также могла восполнить пробел в издании литературных произведений тульских авторов. Но такая инициатива не была поддержана ни секретарем писательской организации, ни его заместителями.

Как ни парадоксально это звучит, газета с тем же названием — «Тульский литератор» стала снова выходить в год, когда Николая Николаевича, ее главного редактора, уже нет с нами. Он умер 10 марта сего года. И что же, Николай Николаевич и не завещал, и не передал свое детище как эстафету новой редколлегии во главе с Виктором Пахомовым. Я не сомневаюсь, Николай Николаевич по ряду причин и не дал бы благословения на продолжение издания своей газеты, вот почему ни один из членов настоящей редакции газеты не удосужился посетить Н. Минакова в последние годы его жизни, не решаясь обсуждать с ним этот вопрос.

Надо сказать, что о Минакове, как основоположнике газеты, в новых ее номерах почти ничего не сказано, зато на первой ее странице — фотография секретаря нашей писательской организации В. Пахомова, награжденного медалью «За трудовую доблесть» с губернатором Тульской области В. С. Груздевым. Также на первой странице помещен материал, практически не относящийся к области литературного творчества — о присвоении почетного звания «Почетный гражданин Тульской области» Зое Воскресенской. При всех достоинствах Зои Воскресенской, считаю бессмысленным награждать ее с этим званием после 23 лет ее кончины! (Умерла Зоя Воскресенская в 1992 году.)

Общее впечатление о первом 2015 года номере. Газета не смотрится как цельный печатный продукт литературного, творческого направления. В нее вошли как опусы известных мастеров литературы, таких как Валерий Ходулин, Валерий Маслов, Валерий Савостьянов, так и новоявленных (неизвестных большинству читателей) «светил» поэзии (например, народный поэт Николай Жуков). К сожалению, в номер не вошел ни один рассказ, ни одно произведение беллетристики. Из публицистики опубликован большой отрывок Натальи Парыгиной из ее книги «Страницы нашей жизни», выпущенной еще 5 лет назад. Кстати, почему Н. Парыгина стала Верой?

Подборка стихотворений В. Савостьянова помещена без имени автора, как продолжение очерка В. Маслова.

Всю остальную площадь газеты составляют стихи наших поэтов. При этом возникает вопрос: исходя из каких соображений планировался объем таких подборок? Почему, например, на 2 странице номера известному нашему маститому поэту В. Ходулину выделили только 20 строк стихотворения «9 мая», а большинство страницы (более 70 %) занято стихотворной подборкой Николая Жукова? Может быть, в основе последовательности и объема помещенного в номер материала лежали и некоторые конъюнктурные соображения?

Естественно, на стихотворения Николая Жукова было обращено особенное внимание. Следует отметить, что большинство стихотворений Н. Жукова не произвели на меня какого-то особого впечатления. Может, у кого-то из читателей сложилось другое мнение. Но вот стихотворение Н. Жукова «Баллада о портянке» меня несколько покорило, если не сказать — возмутило. Связывать победу в Великой Отечественной войне с некоторой «ролью» портянки — это уж слишком. Как говорится, притянуто «за уши». Оказывается, портянка, не желая уподобляться носкам:

*«В углу с носками не стяла,
Спала, обнявшись с сапогом...»*

Мы даже не догадывались, что портянки в войне стирали с одной мыслью:

«Чтоб просушить огнем побед!»

И дальше, поэтическая мысль на этом не останавливается, а поднимается еще выше, до нашего стяга. Оказывается портянка

*«...была частицею ты стяга,
Чем так гордилась страна».*

Одним словом, Великая Победа в войне совершилась исключительно благодаря нашей русской, пропитанной потом, портянке:

*«И запах русской той портянки,
А с нею кузькина вся мать,
И у британца, и у «янки»
Отбил охоту воевать».*

И еще некоторые замечания по первому номеру 2015 года газеты «Тульский литератор». Почему нет нумерации страниц в газете, почему размеры и пропорции фотографий представленных авторов разные, а фото некоторых авторов вообще отсутствуют, отсутствуют также имена некоторых авторов (Н. Дронов, В. Шеварев, Е. Трещев, В. Н. Савостьянов)? Создается впечатление, что номер набран наспех, непродуманно, без соблюдения основных требований газетной верстки. Список редколлегии увеличен (я бы применил слово «раздут») до 14! Интересно, какую роль в этом списке выполняют такие «редакторы», как В. Н. Савостьянов, Е. И. Трещев, Н. Н. Дронов, Н. А. Макаров, Л. А. Стаханов (м.б. Стаханова?) и другие? Я не сомневаюсь, что большинство этих «редакторов» и не представляли, как будет выглядеть в окончательной редакции номер газеты и какую роль они в этом номере играли. Зато уже в третьем номере газеты (октябрь 2015 г.) редколлегия сократилась сразу втрое и теперь ее количество составляет 5 человек! Причем это сокращение провели без согласования с «редакторами» первой волны.

Следует сказать, что качество остальных номеров газеты за 2015 год не лучше, чем первого номера.

Во втором номере всего 4 страницы. Авторы представлены без фотографий, только вначале помещено фото зам. главного редактора М. С. Дубинского. Подборки материалов начинаются с фамилий авторов и их инициалов, например Пахомов В. Ф., Жуков Н. А., Дубинский М. С. и т.д. Но известно, что такая подача творческого мате-

риала не используется в газетах. Большинство авторов и являются членами редколлегии. Например, из колонки главного редактора мы узнаем, что зам. главного редактора Марку Дубинскому исполнилось 85 лет, и он преуспел в своем любимом деле: писать стихи, рассказы, очерки. Но все-таки: «Он же изменил своему воинскому долгу». Не понятно, зачем изменять долгу. Создается впечатление, что к этой передовице в газете сам автор тоже приложил руку.

И третий, и четвертый номера газеты — тоже «коротышки», объемом 1 лист в развороте. В третьем номере также помещена лишь одна фотография, и то низкого качества. Бывает трудно понять, кто и что изображен на представленных фотографиях. Например, в 4 номере 2015 года газеты (55 лет Тульского отделения Союза писателей России) коротенькое пояснение к фотографиям В. Маслова на первой странице. И все, больше никакого текста! Мол, домысливай сам, читатель! На первой странице — коллективная фотография писателей, участвующих в банкете, посвященном 45-летию писательской организации. Причем, выполненная действительно позорно. Но почему именно 45-летию? Более значительное событие — это 50-летие писательской организации, но видно такой фотографии не было под рукой. Три фотографии снизу страницы вообще не выдерживают никакой критики, так плохо они выполнены. На других страницах помещены 33 фотографии членов Союза писателей России, и на первом месте, как и положено, фото самого «главного» писателя — Виктора Пахомова. Для него, «как и положено», выделено гораздо больше места, чем остальным писателям. А новоиспеченным писателям, вступившим в Союз за последние годы, даже не нашлось места в основном списке и их поместили в газету под уничижительным заголовком «Литераторы» без каких-либо фотографий. То есть, получается, что вступившие в Союз писателей за последние годы — литераторы второго сорта. Так почему же, «народный поэт» Жуков Николай Александрович попал в первый список полноценных писателей и его фотография помещена в газету наравне с опытными мастерами пера?

Вообще, следует отметить, что полиграфическое исполнение изданных номеров газеты неприлично низкого качества. Такую газету, претендующую на областное значение, вообще стыдно показывать за пределами нашей области, в других регионах, учитывая гораздо более высокий уровень российских газет областного значения.

Не зазорным было бы редколлегии «Тульского литератора» взять за образец главное литературное издание области — всероссийский ордена Г. Р. Державина литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори» с его высочайшим литературным и полиграфическим качеством исполнения...

Евгений Трещев
(г. Щекино)

КРАСОТА ЗЕМНАЯ, ЗДРАВСТВУЙ!

Родился 02 марта 1948 года в городе Щекино Тульской области. Образование высшее. Технический директор ООО «ЩекинСтройПроект». Член Союза писателей России. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Почетный работник общего образования Российской Федерации. Почетный учитель. Почетный работник газовой промышленности РФ. Ветеран газификации Тульской области. Ветеран труда. Почетный гражданин Чернского района Тульской области. Автор 27 книг. Печатался в антологии Тульской поэзии «Наши современники», в хрестоматии «Три века Тульской поэзии», в коллективных сборниках, альманахах, журналах, газетах (более двухсот шестидесяти печатных работ). Главный редактор литературных альманахов «Приупские просторы», «Солова».

Награжден «Знаком Ордена Доброты», тремя медалями, восемью ведомственными знаками. Лауреат литературного конкурса «Поэтическое братство».

Имя Е. И. Трещева внесено в энциклопедию «Лучшие люди России» (2004), в «Тульский биографический словарь. Новые имена», в сборники «Наши знаменитые земляки», «Лучшие учителя Щекинского края», в «Энциклопедию городов и районов Тульской области», в путеводитель «Край наш Тульский», в сборник «Дарящие тепло. ОАО «Тулаоблгаз» в судьбах и лицах».

Наш постоянный автор, член Союза писателей России.

*«В жизни нет иного смысла, кроме того,
какой человек сам придает ей,
раскрывая свои силы, живя плодотворно»*

Эрих Фромм

Олег Викторович Пантюхин — мой земляк родился 12 августа 1978 г. в г. Щекино.

В 1995 году с золотой медалью окончил среднюю школу № 8 и поступил в Тульский государственный университет. В 2001 году с отличием закончил магистратуру факультета МиСУ. С 2001 по 2003 год — служба в Российской Армии в одной из воинских частей Свердловской области. Старший лейтенант ракетных войск и артиллерии. В апреле 2002 года занял первое место в номинации «мастер художественного слова» в смотре-конкурсе художественной самодеятельности Екатеринбургского гарнизона. С сентября 2003 года — аспирант. После защиты диссертации — кандидат технических наук. Работает в Тульском государственном университете. Входит в состав редколлегии журнала «Приокские зори».

Первое стихотворение было опубликовано в «Рабочей газете» Щекинского ОАО

«Химволокно» в 1999 году. Начиная с 2000 года, стихи публикуются в районной газете «Щекинский вестник».

Печатался в литературных альманахах «Солова», «У засечной полосы», «Наука дружит с музами», «День Тульской поэзии», «Яснополянские зори», «Поэтическое братство», в коллективных сборниках «Отчий край», «Силы света», «Осеннее настроение», «Иван-озеро», «Состояние души», в журнале «Приокские зори», в хрестоматии «Три века Тульской поэзии», в «Антологии русской народной поэзии XXI века».

В 2007 году вышел первый сборник стихотворений Олега Пантюхина. Он является лауреатом поэтического конкурса «Приупские просторы». В 2010 году занял первое место в конкурсе молодых поэтов Тульского края.

Председатель Совета молодых ученых ТулГУ и председатель Тульского регионального отделения общероссийской общественной организации «Российский союз молодых ученых» (с 2007 года). Член Совета молодых ученых и специалистов Тульской области.

Автор поэтических сборников «Серебряный дождь», «Как порою не хватает нам весны...» и более 40 научных и учебно-методических трудов. Доцент кафедры «Технологии полиграфического производства и защиты информации» ТулГУ. Член-корреспондент академии проблем качества РФ. Лауреат премии им. С. И. Мосина. Член Союза писателей России с 2011 г. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за лучшую публикацию 2013 г. в журнале «Приокские зори» в жанре поэзии.

Литературное творчество является его глубинной потребностью, и она, эта потребность, прорывается рифмами и эмоциями.

*Без полета все вокруг — мука.
Тот, кто крылья обретал — знает,
Как звучат в душе любви звуки,
От которой все вокруг расцветает!*

О. Пантюхин

Ему чужды резкие движения. Он просто пишет о том, что его волнует, не стремясь удивить читателя причудливыми нагромождениями звуков, сногшибательными рифмами и резкими метафорами. И главное в них даже не содержание, а глубокая содержательность, подлинная боль и неподдельные переживания.

Олег Викторович показывает, как можно без особых стилистических вывертов и ухищрений писать хорошие стихи, облекая в прочную поэтическую форму, понятную каждому. Ему изначально чужда манерность.

Валерий Яковлевич Брюсов говорил: «В поэзии, в искусстве — на первом месте сама личность художника. Она и есть сущность — все остальное форма!»

Быть поэтом трудно, но перестать им быть невозможно.

Ведь поэзия на самом деле — это умение работать над собой, придерживаясь ранее выбранного пути, желание писать.

В поэзии важно все: и смысл, и звучание, и этический посыл.

*Стихи, как капельки росы,
Словами питают душу.
Они защитой нашей служат
От равнодушной суеты.*

В своих стихах автор убеждает нас, что любовь является высшей ценностью и стимулом для творчества. Если сердце пусто — беда!

*Твоя любовь хранит меня в пути,
Во всех дорогах, ото всех невзгод.
И лишь она должна меня спасти,
Не отпустить в страстей круговорот.*

«В нашей жизни, как в палитре художника, есть только один цвет, способный дать смысл жизни и искусству — цвет любви», утверждал Марк Шагал.

*Как порою не хватает нам любви,
Той, что ищем мы почти всю нашу жизнь.
Без нее совсем другими стали мы,
А найдя, как будто снова родились.*

Душевная чистота, запечатленная в этих строках сегодня большая редкость. О любви поэт пишет без излишнего натурализма, с должной чуткостью и тонкостью. Интересно, что во всех его произведениях присутствует этический компонент и глубокая внутренняя гармоничность. Амплитуда переживаний огромна. Кроме того, он обладает редким качеством: способностью доброго взгляда на вещи.

*Душа разукрашена красками
Любви, что таится в ней.
И были совсем не напрасными
Уроки прошедших дней.*

*Все чувства давно позабытые
Вновь вспыхнут и вновь оживут,
У самого сердца сокрытые
Лишь часа заветного ждут.*

И мы видим сегодня, что груз житейского опыта не подавил в авторе высокого поэтического чувства. Невозможно не отметить удивительную образность и красоту слога.

*Глоток весны... Так хочется его!
Он где-то задержался по дороге.
И с холодом покончено давно,
Ведь у зимы закончились все сроки.*

*И дни длиннее стали, свет даря.
И душам не дано бродить в потемках.
Они не существуют, не любя,
И бьются на мельчайшие осколки.*

*Всем нам немного света, хоть чуть-чуть,
Так не хватает после зимней стужи.
Планета снова к солнцу держит путь,
Чтоб воскресить израненные души...*

Писать так о любви — честно, талантливо, проникновенно — задача не из легких, но Олег Викторович с ней справился успешно.

Он тонко чувствует и любит природу, находит для пейзажной лирики негромкие и точные слова. Россия неповторима и прекрасна, лучшего места для жизни не найти, да и искать не нужно.

Поэт видит в русской природе не неподвижную красоту, а нечто тесно связанное с человеческой судьбой, строя лирические откровения не на надрыве, а на тонких чувственных нюансах.

*Совсем недолго до зимы.
Деревья сбросили все листья,
И скоро хлябь сырой земли
Декабрь укроет снегом чистым.*

*Тончайшим белым полотном
Печаль осеннюю застелет,
И чистотою неземной
В душе и воздухе повеет.*

Мы видим, что отношения с природой у О. В. Пантюхина особенно нежные, как с дорогим и любимым человеком. Читая стихотворение за стихотворением, остро ощущаешь пульс жизни.

*Красота земная, здравствуй!
Весь себя я открываю.
Пусть горят в любви все страсти.
Без страстей душа летает.*

*Легким запахом весенним
Напоюсь и вновь воскресну.
Отзовется, словно песня,
Красота земная в сердце.*

В них простота любования красотой, простота известных, но позабытых жизненных истин.

*Старый парк безмолвие хранит,
Осыпая листья мне под ноги,
И мои сомненья и тревоги
Тишиной своею усыпит...*

*Я пройду аллеей не спеша
И открою тайну желтым кленам,
Что во мне, как в заново рожденном,
Говорит ожившая душа.*

Стихи создают неповторимую атмосферу мест, которые он описывает. А верное использование деталей дает представимый визуальный образ.

Не остается он в стороне и от философских тем. У него много стихотворений, исполненных неземной мудрости, опыта, ментальных открытий. Иногда текст действует, чуть ли не как магическая формула. Особенно расположение и состав слов.

Духовную опору поэт находит в вере. Стихотворения на эту тему наполнены глу-

бокими чувствами связи человека с Вечным и лишены всякого пафоса. В них есть искренность переживания и своя интонация. Молитвенный шепот его стиха упоителен.

*Под сводами церковных куполов
Небесный Свет пролился прямо в душу,
Когда я в храме песнопенья слушал,
Внимая смыслу древних мудрых слов.*

*Свет исходил от всех икон и алтаря,
Но был не виден он обычным взором,
Рождал в душе он райские просторы
Своей неповторимостью маня.*

* * *

*Пусть у всех своя дорога,
Люди вправе выбирать.
Каждый сам приходит к Богу,
Чтоб себя не потерять...*

Здесь взгляд автора гармонично совпадает с внутренним ощущением психологическим и интонационным. Это создает новый смысловой объем.

Его стихотворения наполнены неподдельным оптимизмом, верой в лучшую жизнь и читать их несомненно приятно. Они оставляют след в душе читателя, заставляют задуматься. В них раскрывается широкая панорама пережитого и перечувствованного.

*Не будет пускай лихолетья,
Не нужно нам больше войны,
Пусть людям под небом свободным
Всю ночь снятся мирные сны.*

Эти стихотворения написаны для людей открытых, для друзей, с которыми можно посидеть и обсудить затронутую в стихах тему, будто созданную именно для нас.

Эта книга призвана научить размышлять и разбираться в себе, помочь понять, что есть добро, а что — зло. В ней много трогательных деталей.

Здесь есть место глубоким мыслям, тонкому психологизму, метким наблюдениям.

В целом, это поэзия крепкого оптимиста, духовно сильного и чуткого человека. Поэзия для него стала не средством удовлетворения тщеславия, а средством донести свои мысли и чувства до читателей.

Олег Викторович Пантюхин — самобытный и талантливый автор со своим творческим почерком. При этом необходимо понимать и то, что труд писателя — это ежедневная работа над словом.

Чтение нового сборника стихов увлекательное. В любом случае читатель не пожалует, что потратил душевные силы и время на чтение этой книги, так как в ней представлены размышления о настоящем и прошлом, о любви и разлуке, о вечном и сиюминутном.

Можно с уверенностью сказать, что в современной тульской литературе О. В. Пантюхин занимает достойное место, оставаясь самобытным творцом.

Очень хотелось бы, чтобы его звезда еще долго светила на поэтическом небосклоне. Ведь время работает на терпеливых.

«Творчество — это борьба со временем. Победа над временем»,— утверждал когда-то С. Д. Довлатов.

От редакции: В декабре прошлого 2015 года О. В. Пантюхин за активную, плодотворную общественно-литературную деятельность и в связи с проведением в России Года Литературы удостоен звания Дипломант литературного конкурса «За верность слову», организованным и проведенным Администрацией города Щекино и Щекинского района.

Поздравляем члена редколлегии нашего журнала!

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ

*О новой книге Алексея Яшина**

А. Яшин посвятил новое литературное исследование воспоминаниям о прошлой — советской — жизни нашего народа. По привычке иронично смотреть в суть событий и явлений, автор в названии книги отметил: «воспоминание о будущем».

Почему так? Откуда возникло соединение этого бытописательского романа с названием немецкого научно-популярного фильма «Воспоминания о будущем» («Колесницы богов»), снятого в 1970 году австрийским режиссером Харальдом Райнлем? Впрочем, такое название встречается и в фильмах более позднего времени. В этом же фильме авторы показали варианты происхождения человечества, отличные от общепринятых взглядов.

Человечество всегда задается вопросом: как возник человек, и какими оказались условия его начального существования на Земле? Возможно, и наш автор решился показать читателю то, что для него лежит на поверхности в понимании жизни страны — не столь далекого, но оттого не менее важного для нас периода. Показать читателю то, что для кого-то скрыто, по разным причинам. Одна из причин — активно распространяемое мнение о том, что в советское время все было плохо, а теперь все очень хорошо.

Конечно, мы несколько преувеличиваем и даже упрощаем предлагаемый взгляд, однако полагаем: такой взгляд поможет разобраться в сути представленного А. Яшиным произведения.

Стиль изложения, взятый писателем за основу, отличает строго реалистичный показ событий прошлого, разбавленный иронией, за которой скрывается большая любовь к прошедшей в социалистических условиях молодости и зрелости яшинского поколения, тонкий юмор, заложенный в словесные конструкции текста и в построение сюжетной линии.

Как относиться, например, к такой фразе: «...В «золотые» советские семидесятые годы, в те прекрасные и мирные во всех отношениях времена, когда в нашей стране — еще 1/6 части земной суши — все люди работали по способности, а получали по труду, но во много раз все получали больше не наличными, а через общественное потребление; когда слово «олигарх» встречалось только и исключительно в школьных и вузовских учебниках античной истории, а будущие «властители дум» березовичи и абрамовские учились в школе второй степени и даже в горячечных снах не могли помыслить, что они украдут каждый полстраны...» [с. 12—13]? Мы не завершили эту емкую цитату потому, что ее лучше прочесть самому в первоисточнике. Но и обойтись без нее мы не можем для вовлечения читателя в стиль яшинской прозы.

В одной, пусть и нескончаемой, фразе раскрыто отношение автора к недалекому прошлому страны и к сегодняшнему ее положению, подмечены позитивные стороны той жизни, которая давала возможность получить хорошее образование, использовать приобретенные знания в профессии, построить свой дом и создать семью, сохраняя уверенность в незыблемости созданного, а также убежденность в том, что тобою возвращенное не исчезнет в один миг, не растворится в непрерывных стремлениях лиц, оказавшихся волею непредсказуемой судьбы в руководящем слое, к перестройке общества на западный манер.

Однако если ты полагаешь, дорогой читатель, что далее автор будет «выхваливать» прошлое время и «громить» настоящее, ты ошибаешься, ибо А. Яшин не может

* Яшин А. А. Зато мы делали ракеты: воспоминание о будущем.— М.: Московский Парнас, 2015. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

только хвалить. В его мозгу сразу возникают критический взгляд и острое слово, которые моментально выливаются на листы бумаги, оттого его проза ярка, сочна, интересна, современна.

А. Яшин — новеллист. Он любит эту форму повествования, и является в ней мастером. Для каждой новеллы взята конкретная жизненная ситуация, в ее раскрытии характерны четкость и завершенность сюжета, образная лексика как самого автора, так и его персонажей, современное звучание, даже если описываются события семидесятых-восьмидесятых годов.

Первая новелла — «Дни и ночи триста шестой палаты» — своим названием обращает читателя в мыслях к А. П. Чехову с его повестью «Палата № 6».

И там, и здесь — больница, люди, разными путями попавшие в больничную палату, врачи, по-разному ощущающие жизнь и по-своему этой жизнью наказываемые (или не наказываемые, до поры — до времени). У А. Яшина описывается иная человеческая история, чем та, что привлекла внимание А. П. Чехова в конце XIX века. Однако не зря он пишет в самом начале о названии этой новеллы: «...простое совпадение, но с намеком» [с. 16].

Тебе, читатель, думать, каков намек. «Двойственное чувство: внутренней скорби и откровенного хохота» [с. 16], возможно, и тебя посетит в ходе чтения новеллы.

Дается, например, характеристика здравоохранения, которое «у нас вроде бесплатное», но сколько расходов предстоит «на ежедневные приносы допайков к сиротским больничным супчикам и кашкам, опять же лекарства, домашнее долечивание и прочее, и прочее. Да и персонал скучает без внимания родственников их пациентов...» [с. 17]. Разве мы с тобой, читатель, не оказывались в таких условиях лечения и долечивания?

Рассказывается о том, как Андрей Сергеевич Смышляев, один из главных персонажей книги, попал в больницу, в палату, которая славилась ночными гостями, нуждавшимися в отрезвлении. В описании жизни обитателей палаты мы встречаем авторские размышления не только о больницах, пациентах и врачах, но и о положении писателей и литературы, о современных проблемах Украины, об активности «америкосов», о нашем добром народе, в котором есть «нищие писатели и ошалевшие от безнаказанности чиновники, чудом сохранившиеся ученые и инженеры, торгаши-предприниматели и измученные «болонским процессом» училки всех родов и полов, героические медики и вмиг ставшие «патриотами» олигархеры...» [с. 51].

Хочешь — не хочешь, но мы возвращаемся к цитированию писателя, ибо точнее и острее не скажешь: яшинское слово раскрывает нам суть происходящего.

Как ученый А. Яшин не может обойти молчанием науку. Даже в самом расхудоженственно-литературном произведении он обращается к законам физики, к достижениям медицины, к закономерностям исторического процесса, к генетике, ко всем наукам, которые пронизывают его собственную жизнь ученого, оттого временами его произведения трудно читать, ибо непрестанно следует думать, открывать новое, мысленно проверять, насколько автор прав, соглашаться с ним или готовиться к спору. Однако в споре читатель окажется наедине с собой.

Такова участь писателя и читателя: в обязательно возникающем диалоге один смело доносит до другого свои мысли и рассуждения, другой же такую возможность почти не имеет. Но уж если читатель разобрался во взглядах писателя, понял их и принял, то более сильного единомышленника он себе не найдет.

В книге ощущается бережно-доброжелательное отношение к шестидесятникам (автор сам из тех времен). «Веселое поколение росло, впервые в новейшей истории страны не голодало... умное росло, видное собою, добротой оттаявшее...» [с. 58]. Наряду с достоинствами этого поколения автор подмечает и другие — негативные чер-

ты: тогда росли люди, слабо приспособленные к реальной жизни, «сверх меры инфантильные, по привычке юности верующие в науку», «анекдотисты, уважающие праздничные застолья с друзьями, по-семейному, очень увлекающиеся холостяцкими пирушками, посиделками». «Душевную надломленность,— указывает автор,— шестидесятники по молодости топили в интеллигентном винопитии, легком адюльтере с незамужними шестидесятницами, слушании «Голоса Америки»...» [с. 59].

Зачем нужно А. Яшину обращаться к тем, кто вошел в самостоятельную жизнь почти семьдесят лет назад? Да затем, что именно те люди, оставив значительный след в истории Отечества, повлияли на его дальнейшее развитие. И многое из того, что есть в нашей жизни сейчас, корнями уходит в шестидесятые годы. Впрочем, вся история — единый процесс. То, что происходило в России когда-то (в средневековье, в петровской и екатерининской России, в XIX и XX веках), имеет продолжение в наши дни. Надо только это увидеть, почувствовать, осознать.

Поскольку в названии книги А. Яшина отражено время шестидесятых годов прошлого века, когда «мы делали ракеты» и успешно выводили их за пределы Земли, когда инженерная мысль определяла техническое развитие страны на несколько десятилетий, пусть и не во всем совершенно осуществляясь, писатель не мог не выйти на размышления о 60—80-х годах. Он рассказывает о героях того времени, об инженерах, способных ракеты конструировать, на сельхозработках в колхозе развернуться, выпивкой позабавиться, в начальники выбиться, если же последнее не удавалось или к душе не пришлось, превзойти-обойти начальника в чем-то другом.

Лирическая часть жизни также не осталась без внимания, воспетая в бытовой потребности мужского и женского естества, что бурно проявлялось в колхозно-командировочной жизни. «А сколько будущих семейных пар складывается в этот внеучебный сентябрь после жарких вечерних, а потом и ночных — в стогу — объятий? И это самые крепкие союзы!» [с. 167].

Вспоминаешь ли ты, читатель, свои поездки на осеннюю колхозную работу в студенческие времена или в начальные годы производственной деятельности? Возможно, ты бывал на пионерско-лагерном вожатстве, в котором, доведя пионеров до ночного успокоения, мчался на встречу с удивительной сокурсницей, чьи тайные прелести открылись внезапно, вдали от городской жизни?

А может, ты, как герои новеллы А. Яшина — Андрей Смышляев и Галочка, укреплявшие в колхозно-трудовой «эпопее» возникшую близость стихами любимого поэта И. А. Бунина, тоже читал своей подруге душевные стихи, и она, о счастье, отвечала тебе строчками того же поэта? Великое дело — поэзия: не только проникает в голову и бережит сердце, она создает мощное единство мужчины и женщины. По крайней мере, так было в 60—70-е годы у многих молодых людей.

Наряду с картиной зарождения семейных связей писатель затронул и другую сторону отношений мужчин и женщин, возникающих опять же в поездках горожан в колхозную действительность. Так Николай Андреевич в очередной коллективной поездке «на капустную прополку» оказался невольным свидетелем эротических сигналов-моментов, возникших между коллегами [с. 356—358].

Морализатор, конечно, возмутится подобным описанием. Но мы с тобой, дорогой читатель, улыбнемся, посожалеем слегка: попал мужик в оборот, посмеемся: жизнь есть жизнь. Дело не в том, чтобы кого-то осудить. Это и в самом деле жизнь — существовавшая в советские времена и ныне существующая. Писатель описывает жизнь: с юмором, с обилием образных деталей, с признанием права на любовные проявления своих персонажей, с уважением к личности читателя. В этом мастерство. Именно оно заставило от эротического фрагмента перевести читателя к анекдоту о спичках.

Анекдот о случившемся зимой сорок третьего года на оккупированной территории Белоруссии подчеркивает одну из черт русского характера: когда тяжело, тра-

гично, опасно и не хватает сил справиться с ситуацией, русский человек набирает силы с помощью смеха и острого слова.

Николай Андреевич размышляет и действует во многих произведениях А. Яшина. Это литературный персонаж, в мысли и поступки которого писатель вкладывает свои взгляды и убеждения. И в этой книге любимый персонаж писателя, «книголюб и книгочей», также присутствует в каждой новелле: думает о своих друзьях-товарищах, спорит с ними, встречается любовь, вспоминает пройденную жизнь, оценивает происходящее. Благодаря ему, мы с тобой, читатель, ощущаем присутствие автора книги, понимаем его и принимаем. Таким способом А. Яшин приближает себя к читателю.

Именно Николай Андреевич встретился в одной из новелл с незримыми лицами, без которых в великие годы ракетостроительства и космического успеха не обошлось ни одно серьезное дело. Чтение произведений самиздата, сочинений А. И. Солженицына, М. А. Булгакова «завело» Николая Андреевича в «крохотный кабинетик», где ожидал его для беседы «маловыразительный человек в штатском, с тусклыми серьезными глазами» [с. 348].

Описание данной встречи краткое. Автор специально не углубляется в эту характерную черту времени, подчеркивая кратким показом, что явление было: люди читали самиздатовскую литературу, передавали ее из рук в руки, а «маловыразительные» лица знали об этом. Они проникали всюду, владели разной информацией, всевозможными способами добывали ее, выходили на людей. Однако, зная все и вся, не выделялись внешне, оставаясь «майорами в штатском», внимательно изучали человека и возможность его привлечения к «сотрудничеству». Большая часть советских граждан слышала о людях в штатском, обсуждала в компаниях и на кухнях связанные с ними обстоятельства, рассказывала о них анекдоты, но лично с этими людьми не встречалась, таких встреч не желала и побаивалась.

Конечно, есть и замечания к автору. На наш взгляд иной раз устаешь от чрезмерно льющейся словесной вязи. Вводится неоправданно много фамилий. Так на одной странице [с. 70] на 37 строках (мы не поленились подсчитать) введены 5 фамилий, которые, в совокупности, повторяются 18 раз, и мешают восприятию текста, хотя автору, возможно, кажется, что все им выражено предельно четко. Нам также показалось, что присутствует перебор с научным компонентом, как, например, с описанием аннигиляции [с. 74], читать которое в художественном тексте утомительно.

Однако это частное мнение, и оно совсем не обязательно возникнет у других читателей. Гораздо важнее другое.

В шестидесятые годы Юрий Визбор, один из создателей жанра авторской песни, уникального явления музыкально-поэтического творчества, сочинил «Рассказ технолога Петухова». В песне звучат такие строки:

*Зато, говорю, мы делаем ракеты
И перекрыли Енисей,
А также в области балета
Мы впереди, говорю, планеты всей.
Мы впереди планеты всей!*

Юмор сквозит в рассказе Петухова, веселый и добрый смех вызывает песня, и в то же время, сквозь смех и юмор звучит гордость за нашу страну и советский народ. Так и в романе-новеллино Алексея Яшина звучит и играет сочными красками, сквозь критические строки и ироничный взгляд, любовь к Отечеству.

В любые времена, принимаемые или не принимаемые, есть то, что вызывает в человеке любовь и добрые чувства к своей Родине. Это твоя земля: она вкачала в тебя свою мощь, уникальность живущего здесь людского сообщества, она объединяет тебя с твоим народом!

Такие мысли возникали у меня, друг-читатель. Надеюсь, и ты это почувствуешь.
Книга получилась! В ней присутствует, как и в других книгах А. Яшина, дух отечественных сатириков и бытописателей девятнадцатого века — М. Е. Салтыкова, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова.

Обсуждаемая нами книга снова заставляет читателя задуматься о порядках, бытующих в стране, влияющих на жизнь каждого из нас, призывает к обсуждению негативных явлений российского общества, к поиску путей дальнейшего общественного развития.

Пожелаем же этой книге умного и доброго читателя!

Профессор Ирина Николаева, Москва

